

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.53.31.009

Крестьянское жилище в семиотическом пространстве народной художественной культуры

Реш Олеся Владимировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: Olesya-Resh@yandex.ru

Антонова Елена Леонидовна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, культурологии, науковедения,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: e-pi-fan@yandex.ru

Аннотация

Современные исследования в области народной художественной культуры основываются в основном на рассмотрении ее в противопоставлении с городской культурой с позиции «рациональная – иррациональная». В статье рассматривается вопрос о том, что выбранный большинством исследователей подход, базирующийся на понимании тесной связи ценностно-мировоззренческих оснований народной культуры исключительно с архаикой, существенно ограничивает их актуализацию в современной «урбанизированной» культуре. Исключение составляют моменты «кризиса переходности», когда угроза утраты культурно-исторической преемственности становится реальностью и проблема сохранения культурной идентичности стимулирует обращение к «историческим корням» – народной культуре. Посредством проведенного в статье анализа специфики крестьянского жилища как семиотической и пространственной модели вселенной, а также обустройства жилища как выражения духовного и социально-практического опыта крестьянского социума авторами показана ведущая роль крестьянского жилища в семиотическом пространстве народной художественной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Реш О.В., Антонова Е.Л. Крестьянское жилище в семиотическом пространстве народной художественной культуры // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 4А. С. 68-75. DOI: 10.34670/AR.2020.53.31.009

Ключевые слова

Крестьянская культура, крестьянское жилище, народная художественная культура, семиотика, архетип, мифология.

Введение

Опыт переходного периода показал, что разрыв связей с собственной историей, забвение лучших народных традиций, отрыв от выработанных в народной культуре в течение многих веков духовно-нравственных ценностей и идеалов ведут к системному кризису всех сфер жизни, что характерно для современного российского общества. Именно поэтому в завершающей фазе переходного периода на идеологическом уровне отношение к народной художественной культуре меняется. Если в 1990-х гг. народная художественная культура, на западный манер, «заклучалась» в сугубо этнические рамки, то теперь начинает рассматриваться как национальное достояние и культурное наследие, которое нуждается в защите и сохранении (в этом контексте мы наблюдаем стремление к возрождению народных традиций).

Включение в современный социокультурный контекст праздников народного календаря, обычаев, обрядов, народных игр приносит в него «важнейшую информацию о том, как наши предки представляли себе мир, как умели жить в гармонии с природой, как ценили семейный очаг, мать и материнство, как поощряли честный труд на родной земле» [Кокоткина, 2019], как формировалась на их основе «педагогическая культура» народа.

В связи с этим как никогда важными и актуальными становятся обращение к истокам народной культуры и соотнесение их с современными ценностными и социокультурными ориентирами. Актуализация народной культуры, в основании которой лежало мифологическое миропонимание с его универсальной моделью мироздания, воплотившейся в представлениях о семье, а также духовно-практический опыт русского крестьянства открывают возможность нового прочтения выработанных в ее лоне подходов к организации жизнедеятельности и взаимоотношений с окружающим миром, оптимальным «образцом» которых являлся архетип крестьянского жилища.

Крестьянское жилище как предмет культурологического осмысления

В реальной жизни человека архаического периода духовная и практическая стороны деятельности были синкретично связаны, отчего в далекой перспективе изготовление орудий труда, магические действия в отношении природы, передача информации и опыта, воспитание и обучение новых поколений превращаются из узкоутилитарного действия в духовный, созидательный и «культуросохраняющий» инструмент и фактор одновременно. В этом контексте становится совершенно очевидным, что сопровождавшие их ритуалы и обряды, основанные «на родовой и этнической мифологии», ложатся в основание сложного комплекса национальных традиций: если в мифологический период обряды транслировались служителями культов, создававшими и модернизировавшими их, то в фольклорной фазе культуры – членами социума, так как к этому времени обрядность представляла собой «историческую память» – культурную традицию. По сути, синкретизм духовной и практической сторон человеческой жизни не только обусловил, но и «облегчил» задачу сохранения и передачи последующим поколениям ставших традиционными норм, ценностей, образцов поведения, ориентирующих человека в его производственной деятельности, взаимодействии с другими людьми и окружающим миром. Заложенные в культуру посредством традиционного жилища, именно они становятся залогом духовно-нравственных оснований семейных и социальных традиций, закрепленных на уровне обыденного сознания в период создания государственности и не менее

востребованных в современной культуре.

Переходные периоды и связанное с ними явление социальной аномии – утраты ценностных ориентаций и отхода от утвердившейся культурной традиции – ослабляют «естественно сложившийся» механизм передачи культурно-исторического опыта, что ведет к нарушению межпоколенной связи, а вместе с ней и передачи культурно-исторической преемственности. «Разбалансирование» четкой, социально разделяемой системы норм и ценностей, являющихся мерилем нормы и отклонения в эпоху стабильности, порождает в переходный период кризис культурной идентичности. Обращение к крестьянскому жилищу и традициям способствует сохранению культурно-исторической преемственности не только в молодежной среде, но и у представителей «среднего поколения». Именно по этой причине крестьянское жилище должно стать предметом осмысления в переходный период.

Крестьянское жилище как семиотическая и пространственная модель вселенной

«Жилище» относится к числу тех немногих основополагающих, всеобъемлющих архетипических «смыслообразов», которые, по мнению В.С. Степина, с незапамятных времен функционировали в человеческом сознании [Степин, 2000, 13]. На этом основании и в мировоззрении крестьянства, унаследовавшего древнеславянские мифологические представления о мире, жилищу отводилась чрезвычайно важное место. Жилище, универсально осмысливавшееся как мир-космос, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим, представляло при этом семиотическую и пространственную модель вселенной, включавшую в себя «компоненты» как миропонимания, так и практического опыта [Сагатовский, 1997, ч. 1, 16-17]. Эта «модель» и раскрывает сущность крестьянского мировоззрения как представления о мире – вселенной, себе и своем месте в этом мире, где жилище было его реальным и «закодированным» на семиотическом уровне воплощением одновременно.

На самом деле, если в человеческой культуре жилище универсально осмысливается как мир-космос, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим в результате синтеза миропонимания и практики, становится понятным, почему изначально сама вселенная как место обитания, в котором человек «мировоззренчески» занимал центральное место, моделировалась по его образу и подобию, включая модели его поведения и даже модель социума. Реальный практический опыт подсказывал, что если сам человек имеет «телесный верх» и «телесный низ», то он живет сразу в трех мирах-пространствах, где к первому принадлежит его душа, ко второму – тело, а к третьему – дух. Так как образы, формирующиеся в сознании и в подсознании, человек не различает, все три пространства-реальности воспринимались им целостно, как одна, которая является для него, одновременно миром внутренним и миром внешним, т. е. им самим и целой вселенной [Косарев, 2000]. Более того, если «пространство» реально простирается «по обе руки» человека, впереди и позади него, то на этом основании можно было «дополнить» складывавшуюся систему координат представлением о пространстве, простирающемся не только ввысь с его вертикальным измерением, но ивширь – с измерением горизонтальным. Это и определило основные «параметры» мира-вселенной – его вертикальную трехмерность и горизонтальную четырехмерность. Именно они позднее найдут воплощение в формировании пространства крестьянского жилища, имевшего собственный эволюционный «потенциал». Поэтому показательно, что в крестьянской культуре, имеющей выраженное

мифологическое начало, «частям» жилища как символической «малой вселенной» крестьянской семьи долгое время присваивались названия разных частей человеческого тела.

В «семиотическом пространстве архаической культуры, нашедшем конкретное воплощение в языческом мирозерцании, в ее наиболее простом варианте, в вертикальном измерении Вселенная подразделялась на три самостоятельных, со своим временем и пространством, мира-пространства: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный)» [Вершинская и др., 2018, 241]. Горизонтально ориентированное пространство в языческо-мифологической картине мира условно «распределялось» по четырем частям света, каждая из которых составляла пару с противоположной ей частью. Они-то и определили конструктивные особенности крестьянского жилища, с одной стороны, как универсально воплотившего представления о пространстве, с другой – как прошедшего через сакрализацию и семиотическую «маркированность», свойственную земледельческой культуре и определившую специфику его «социокультурной» составляющей.

Подобная практика, помимо сакрального (контроль за жизненным пространством в вечном противостоянии сил космоса силам хаоса), имела сугубо утилитарное значение. Наличие реки и леса не только было ресурсом жизнеобеспечения, но и служило укрытием при нападении «чужих», а с возвышения легко обозревалось пространство. Те же «правила» и семиотика соблюдались и при постройке жилища. Стены, по количеству сторон света, отделяли внутреннее пространство – космос – от внешнего мира – хаоса. Внутри жилища господствовал стол как символ центра мироздания, а печь как символ нижнего мира находилась у северной или западной стены рядом с дверью/порогом – границей между двумя мирами: внутренним (своим) и внешним (чужим). Выбор места, материала и времени для сооружения жилища был также предельно сакрализован и ритуализирован. Поэтому жилище всегда считалось особым семиотическим пространством, началом и концом многих древних земледельческих обрядов и празднеств. Когда воздвигалось жилище либо другая «знаковая» постройка (крепость, храм), крестьянство в полной мере осознавало всю ответственность за возложенную на него самой социальной ролью кормильца и хранителя традиций «сакральную» миссию.

Долгое время при строительстве жилища внутри помещения не случайно оказывались живые деревья (дубы, ясени, березы), почитаемые и символически наделенные «божественной благодатью». Образ дерева, находящегося внутри жилища, как олицетворения некой связи между тремя уровнями вселенной, как отголосок древних земледельческих верований – как региональная особенность – прочно «удерживался» в обрядах, связанных со строительством жилища, в свадебных обрядах, связанных со «строительством» новой семьи, и в поздней «календарно-православной» обрядности (Троица, Семик и др.) вплоть до начала XX в. Будучи олицетворением «древа жизни», оно «дарило» людям плодородие злаков, покровительствовало деторождению, оберегало человека от «ненастных» стихий и т. д., что для крестьянской культуры имело решающее значение. Не случайно символические изображения дерева мы можем увидеть в свадебных нарядах, в вышивке, в резьбе и росписи дома.

Общеизвестно, что в «иерархии» крестьянской культуры, в силу ее утилитарности, самыми важными по степени значимости были хозяин-крестьянин и его семья, затем необходимые для выживания конь, бык (корова), и т. д. до петуха и даже кошки, которые напрямую ассоциировались с понятием «жилище». Даже семиотика орнаментов резьбы или росписи жилища, «овеществлявших» словесные заговоры, сложившиеся в крестьянской вербальной культуре, как символически выполняла защитную функцию, так и сохраняла ее социокультурную специфику. Так как в крестьянской культуре жилище выполняло особую

роль, совмещая в себе функции центра мира (как вместилища домашнего огня) и его границ (именно через печную трубу, к примеру, осуществлялась связь с потусторонним («тем») миром), оно представляло собой специфическое сакральное «социокультурное пространство».

Таким образом, «выражая миропонимание и социокультурную специфику крестьянского социума, являясь надежной защитой от стихий, нечистой силы, а главное – хранителем Семьи, Рода, Прапамяти, жилище символически было связующим звеном между пространством и временем – предками и потомками. Сооруженное руками самого хозяина-крестьянина или руками его родителей, оно даже в динамике крестьянской культуры оставалось символом семьи и рода, связи предков и потомков. Крестьянское жилище всегда было не только тем особым пространством, средоточием главных жизненных ценностей, которые определяли смысл человеческой жизни, регламентировали быт и особенности социально-трудового уклада, но и представляло собой семиотическую и пространственную модель вселенной. Поэтому роль жилища – как крова, убежища, пристанища – остается ведущей в крестьянской культуре во все времена» [Там же].

Обустройство крестьянского жилища как воплощение духовного и социально-практического опыта крестьянства

Для земледельческой культуры, где большое значение традиционно имели свет, тепло, вода и все, что с ними было связано (земля, урожай, природа и сама жизнь), семья, различие функций внутреннего и внешнего пространства жилища определялось через мужское и женское начала, олицетворяемые ими и напрямую связанные с плодородием. Дом как закрытый, сакральный, внутренний мир отождествлялся с женским началом, а внешний мир – с мужским. Их разделял порог как граница между мирами, нарушение которой было чревато непредсказуемыми последствиями. Поэтому, во избежание бед, в отечественной культуре до наших дней сохраняется запрет передавать и принимать через порог что-либо: дары, вещи, долг, деньги и т. д. Эти «операции» необходимо было производить в каком-либо одном из «миров» (строго внутри или снаружи жилища), исключая их «взаимопроникновения».

Наиболее почитаемое место в доме – красный угол, который во все времена обращен на юг или на восток. Он подчеркивал связь с дневным путем солнца, игравшего важнейшую роль в жизнедеятельности земледельца. По этой причине после принятия христианства туда помещается Божница, которая ассоциируется с алтарем храма. В красном углу на божнице хранятся сосуд с богоявленской водой, веточки освященной вербы и троицкой зелени. Даже место за столом в красном углу как священное и особо почетное отводится хозяину дома либо желанному гостю.

Расположенная по диагонали от красного угла печь – один из сакральных центров жилища. Печь связана с интимной, «утробной» жизнью человека: в ней соединились черты центра дома и его порубежья. В обрядах печь выполняла разные функции. Иногда даже роды принимали в печи, т. е. в той «утробе», которой человек был обязан жизнью всего рода.

В крестьянской культуре изба была вселенной, имевшей, кроме семиотической, собственную конкретную социально-практическую специфику, от которой напрямую зависело «расположение» в пространстве местности стен жилища. Тыльная сторона дома, «окно и красный угол располагались в восточной или юго-восточной части помещения, а печь, дверь и порог – в северной. Это было непреложное правило. Следует предположить, что печь как символ нижнего мира ставилась в северном углу в качестве неодолимой преграды на пути сил

смерти и зла, стремящихся ворваться в жилище» [Клопыжникова, 2008, www].

Неотъемлемой принадлежностью жилища, его обязательной составляющей являлся стол, который как сакральный центр, а значит, и начальную и конечную точку любого пути при продаже жилища оставляли новому владельцу. Порог в крестьянской культуре считался спасительным средством преодоления болезни или избавления от страдания.

Пограничное пространство порога было уникальным фактором не только физического, но и психологического воздействия на человека. Так как порог всегда был символической границей между домом и внешним миром, то, с одной стороны, он оберегал его внутреннее пространство от внешнего воздействия, с другой – должен был обеспечивать беспрепятственный выход его обитателей «вовне» как для обеспечения повседневной деятельности, так и в моменты семейной «мобилизации» (пожар, наводнение и т. д.). Поэтому не только пограничное положение порога, но и утилитарность – непосредственный социально-практический опыт – обусловили запрет на сидение или стояние на пороге.

С принятием христианства появились новые поверья, объединившие языческие и православные традиции в единую систему. Например, что касается красного угла, то если до принятия христианства в нем располагались какие-то фигурки, изображения или идолы божеств, то с принятием христианства в нем прочно закрепились иконы как «зримый образ незримого мира». Они не тождественны божеству, но как символ, таинство с ним связаны, проникают в мир сверхъестественного через предметно-реальный мир. Помещались иконы над входом в избу, над воротами, над дверьми амбаров, на перекрестке дорог, у колодцев и даже в хлеву. Не было их только в бане как нечистом месте. К иконе относились как к живой. Перед ней нельзя было быть в шапке, класть ноги на лавку. В избе запрещалось курить и сквернословить.

Свечи зажигали, когда молились. Продавать иконы считалось грехом, их обменивали, причем торг проходил молча. Старые иконы не разрешалось выбрасывать, их хоронили как людей. Среди всего сонма святых в крестьянской среде особо почитались св. Николай Угодник – покровитель плотников, св. Фрол и Лавр – покровители лошадей, св. Василий – покровитель коров и овец, св. Параскева Пятница – покровительница торговли, св. Илья – «покровитель» погоды – дождя. За защитой от пожара обращались к иконе Божьей Матери, ей же благословляли «под Веней», дарили дочери, а жениху – икону св. Спаса. Приобреталась икона и по поводу рождения ребенка. В любом случае икона становилась покровительницей жилища/семьи.

Таким образом, хоромы, внутри которых даже нечистая сила нестрашна, ограждены были целой системой «овеществленных заговоров» – «вырезанных» из дерева, «нарисованных», а после принятия христианства «прокопченных» четверговой свечой символов «креста» и иконой. При выборе символов крестьянин исходил из единства как духовного, так и социально-практического опыта, основанного преимущественно на «геоцентрических» представлениях, естественных для него как земледельца.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что жилище и двор крестьянина можно рассматривать в качестве сложной, хорошо продуманной системы заклинательных охранительных мер, создававшейся веками, причем «микрокосм» крестьянского жилища был оборудован как ожидающая нападения крепость. Повсеместному распространению в природе

нечистой силы, которая может не только внезапно поразить покинувшего хоромины человека, но и проникнуть внутрь домашнего микромира, противопоставлялись не единичные символы, а система, воспроизводящая макромир даже после принятия христианства. Именно это обстоятельство и дает основание утверждать, что крестьянское жилище как образец синтеза мировоззрения и практики представляет собой специфическое социокультурное явление, которое «притягивает» и такие смысложизненные ценности крестьянства, как семья, труд, земля, непосредственно формировавшие на уровне повседневности социокультурную реальность крестьянства.

Библиография

1. Вершинская Г.М., Яковлева Л.В., Корженко О.М., Антонова Е.Л. Крестьянский дом как особое семиотическое пространство // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 10. С. 240-243.
2. Дынин В.И. Обережные функции жилища и одежды в русской народной культуре XIX-XX веков // Filo Ariadne. 2018. № 2. URL: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2018/2/216.pdf>
3. Клопыжникова А.А. Образ жизни и верований народа Древней Руси // Аналитика культурологии. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-i-verovaniy-naroda-drevney-rusi/viewer>
4. Кокоткина О.С. Формирование культурного пространства на основе сохранения и возрождения культурных традиций // Научный вестник государственного образовательного учреждения Луганской Народной Республики «Луганский национальный аграрный университет». 2019. Т. 1. № 6. С. 374-381.
5. Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М.; СПб., 2000. 304 с.
6. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения: в 3 ч. СПб., 1997. Ч. 1. 222 с.
7. Степин В.С. Философия и универсалии культуры. СПб.: СПбФО, 2000. 18 с.

Peasant dwellings in the semiotic space of folk artistic culture

Olesya V. Resh

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of general theoretical disciplines and the humanities,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: Olesya-Resh@yandex.ru

Elena L. Antonova

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of philosophy, cultural studies, science studies,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: e-pi-fan@yandex.ru

Abstract

The article aims to study peasant dwellings in the semiotic space of folk artistic culture. It points out that modern research in the field of folk artistic culture is based mainly on its opposition to urban culture from the perspective of "the rational – the irrational". The authors of the article pay special attention to the fact that the approach, chosen by the majority of researchers, is based on the

understanding of the close connection of the values and worldviews of popular culture exclusively with archaic, and it significantly limits their actualisation in modern "urbanised" culture. The moments of the "crisis of transition" are considered to be exceptions because the threat of loss of cultural and historical continuity becomes a reality and the problem of preserving cultural identity stimulates the appeal to the "historical roots", i. e. folk culture. The authors make an attempt to show the leading role of peasant dwellings in the semiotic space of folk artistic culture through the analysis of the specific features of peasant dwellings as a semiotic and spatial model of the universe, as well as the arrangement of a dwelling as an expression of the spiritual and social and practical experience of peasant society.

For citation

Resh O.V., Antonova E.L. (2020) Krest'yanskoe zhilishche v semioticheskom prostranstve narodnoi khudozhestvennoi kul'tury [Peasant dwellings in the semiotic space of folk artistic culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (4A), pp. 68-75. DOI: 10.34670/AR.2020.53.31.009

Keywords

Peasant culture, peasant dwelling, folk artistic culture, semiotics, archetype, mythology.

References

1. Dynin V.I. (2018) Oberezhnye funktsii zhilishcha i odezhdy v russkoi narodnoi kul'ture XIX-XX vekov [Protective functions of housing and clothing in the Russian folk culture of the 19th and 20th centuries]. *Filo Ariadne*, 2. Available at: <http://filoariadne.esrae.ru/pdf/2018/2/216.pdf> [Accessed 24/06/20].
2. Klopzyzhnikova A.A. (2008) Obraz zhizni i verovaniy naroda Drevnei Rusi [The lifestyle and beliefs of the people of Ancient Rus]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-i-verovaniy-naroda-drevney-rusi/viewer> [Accessed 24/06/20].
3. Kokotkina O.S. (2019) Formirovanie kul'turnogo prostranstva na osnove sokhraneniya i vrozozhdeniya kul'turnykh traditsii [The formation of a cultural space on the basis of the preservation and revival of cultural traditions]. *Nauchnyi vestnik gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya Luganskoi Narodnoi Respubliki "Luganskii natsional'nyi agrarnyi universitet"* [Scientific bulletin of Luhansk National Agricultural University], 1 (6), pp. 374-381.
4. Kosarev A.F. (2000) *Filosofiya mifa: mifologiya i ee evristicheskaya znachimost'* [The philosophy of myths: mythology and its heuristic significance]. Moscow; St. Petersburg.
5. Sagatovskii V.N. (1997) *Filosofiya razvivayushcheysya garmonii: filosofskie osnovy mirovozzreniya: v 3 ch.* [The philosophy of developing harmony: the philosophical foundations of the worldview: in 3 parts], Part 1. St. Petersburg.
6. Stepin V.S. (2000) *Filosofiya i universalii kul'tury* [The philosophy and universals of culture]. St. Petersburg: Saint Petersburg Philosophical Society.
7. Vershinskaya G.M., Yakovleva L.V., Korzhenko O.M., Antonova E.L. (2018) Krest'yanskii dom kak osoboe semioticheskoe prostranstvo [The peasant house as a special semiotic space]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development], 10, pp. 240-243.